

ГОСТИНАЯ в ее квартире сегодня напоминает оранжерею, буквально утопает в цветах. Заметив мою некоторую ошарашенность, Эдита Станиславовна поясняет: «Это все из «Октябрьского», с предновогодними концертами. Конечно, красота неописуемая, но сердце сжимается от мысли, сколько за такое чудо люди вынуждены отдавать из своей не слишком богатой зарплаты, ведь одна гвоздика, например, стоит уже пятнадцать рублей!» Мы знакомы давным-давно, с университета, и сейчас, откровенно любяся хозяйкой дома, не удерживаюсь от восхищения:

— Эдита, дорогая, ну как так получается, что с каждым годом вы — все лишь милее, лишь пикантней! Может, пора поделиться секретом своей вечной молодости?..

Улыбается:

— О-о, секрет — это когда знают двое, а если расскажут всем, то секрет сразу же перестанет быть секретом... Наверное, все дело в том, что, когда родители меня сотворили, природа ко мне была благосклонна. Может, все от мамы: она умерла в шестьдесят шесть, но когда шла — стройная, стремительная — по улице, со спиной можно было дать больше тридцати. Так что благодарна Боженке и маме за то, что заложили во мне хороший, сильный организм, с которым дружи и который очень слушают...

— И что же он подсказывает?

— Прежде всего, насчет питания: есть надо лишь то, что идет на пользу, и ни в коем случае — на ночь. И вообще — умеренно...

— Особая диета?

— Не диета, а система... Например, вместо сахара — вода с медом. Почти полностью исключила соль. Никогда ничего не карнила на сливочном масле и вообще предпочтит не жарить, а тушить. Давно забыла вкус колбасы: всегда считала, что там — что-то мертвое, какая-то грязь. По полгода обхожусь без мяса, не ем яйца, сыр, никаких молочных продуктов — они усваиваются организмом лишь в младенчестве. Картошку, помидоры — очень редко. Моя система питания называется макробиотика...

— Так же актриса ест?

— Прежде всего — продукты моря: свежезамороженную рыбку, морскую капусту и все такое. Еще — бобы, горох, чечевицу, фасоль. Очень полезны кукуруза, обычные капуста, свекла, морковь. Грибы. Все крупы, кроме манной. Хлеб — только черный, тесто — лиши ржаное. Например, на Новый год из ржаной муки сделала пирожки, которые начинила грибной икрой (моховинки купила в Вышнем Волочке, на гастролях) — объединение! Вместо соли хорошо использовать соевый соус, но для этого надо дружить с краевыми...

— Кто-нибудь из читателей «Смены» наверняка возмутился: мол, легко Пъехе, с ее высшим актерским званием («народная СССР!») и соответствующими возможностями, рассуждать про «систему питания»... Попробовала бы покинуть нашей простой жизнью...

— И, тем не менее, моя система не требует особых ухищрений. Обычно в гостиную поездку беру электроплитку и мешочки с разными крупами. По утрам вариюю на плите кашу. Хорошо, если есть еще чеснок, лук. Или — изюм, курага — чтобы было чем кашу заправить...

— Ну а гимнастика? И вообще физкультура, спорт?

— Пока в основном ходьба. Ежедневно пешком — с 4-й Советской в Летний сад, там — четыре круга и — обратно. На все — около двух часов...

...
МЫ ЛИСТАЕМ ее фотоальбомы, перебираем бережно

хранившиеся здесь самые давние снимки. Эдита поясняет:

— Вот так выглядели папа и мама, Станислав Пъеха и Филиция Карловска, эмигранты из Польши, когда встретились на шахте в маленьком поселке Нуэль-су-Ланс, что на севере Франции. Папочка умер в тридцать семь, от туберкулеза... А это — мой брат Павел: в семнадцать лет тоже спустился в шахту, и через три месяца его не стало — тоже туберкулез... После войны мы с мамой вернулись домой. Жили на юго-западе Польши, в Судетах, в шахтерском поселке Богушеве... На этом снимке мне десять лет: длинное белоснежное платье, цветы, потому что — конфирмация...

— Может, секрет вашего шарма — как раз в этом особом «франко-польском» воспитании:

— Меня воспитывали строго — учителя, костел, мама... Маму всю жизнь называла, естественно, только на «вы». А вообще была я жуткой жизнелюбкой. Не ходила, а летала. Темперамент был через край. Занималась легкой атлетикой, пела в хоре. В 1955-м приехала в Ленинград, стала в Университете, на философском факультете, студенткой отделения психологии. И вот скоро в 13-й аудитории, на вечере первокурсников, под аккомпанемент гитариста Збышека Мусяля пою «Автобус червоный»...

Хорошо помню ваши первые университетские выступления: озорная, но еще какая-то угловатая. Пoет, а руки часто за спиной...

— Да просто не знала, куда их девать — я же из шахтерского поселка, где не было ни концертного зала, ни театра, только — кино. И в Ленинграде на сборных концертах все подсматривала за другими певицами — какие на них пластики, макияж (моя мама никогда не красилась, самое большое, что себе позволяла, это химическую завивку). Часто наведывалась в Марининку — не только ради балета, но и чтобы перенять походку балерин, их манеру держать спину, голову...

— Наверное, многое подсказал и Броневицкий...

— Он только ругался: «Ты ужасно выглядишь!» Студент Консерватории Шура Броневицкий (всегда звал ее не «Саша», а «Шурой») приглядел меня на первой же репетиции хора польского землячества. Через год в том же общежитии на Митине, в нашей 23-й комнате, сделал предложение... Мы были вместе двадцать лет, и, конечно же, Броневицкий, создатель «Дружбы» (ведь впервые открыл в стране этот жанр!), интереснейший композитор, аранжировщик, обладавший высочайшим вкусом, очень мне помогал. Но, увы, постепенно развел вокруг себя слишком много подхалимов, что и погубило наш брак. Я от него ушла... Три года, как Шура скромничко склонился, — пусть земля ему будет пухом...

— Наверное, все эти годы вам очень не хватало и сейчас не хватает его обожания?

— В том-то и дело, что он восхищался мною только как артисткой. Мы с ним лишь работали. Однажды грустно сказала ему: «У нас ведь только служебный роман...» В другой раз говорю: «Шура, а ведь у меня сегодня день рождения...» Он: «Ой! Возьми деньги, купи себе что-нибудь...» Господи! Да разве в деньгах дело? Пришел бы домой с подарком, хотя бы с букетом цветов. Но ему все некогда: «Занем играть в эти сентиментальности...» И со вторым мужем разошлась, потому что тоже оказалась слабым человеком. Не смог устоять перед водкой. Терпеть я могу долго, очень долго, но однажды терпение лопается — и разом все отрезаю... Почему-то люди думают, что польонники ко мне прям-таки в очередь стоят. Вот недавно по слу-

Съемка — Санкт-Петербург. 1992. 18 янв.

Эдита Пъеха — на сцене и дома

Она на эстраде — 35 лет. И с каждым годом — все моложе, все пикантнее, все обворожительнее...

жебным делам сама встретилась с одним очень интересным человеком. Вдруг говорит: «Я тридцать лет вас обожаю, но никогда бы сам не посмел подойти. Теперь знайте, что где-то есть такой, в вас влюбленный...» Господи! Ну а мне-то что, легче оттого, что где-то он есть? И, возможно, подобных «обожателей на расстоянии» немало, но я-то одна...

— Эдита, милая, мне вот с чем сейчас подумалось. Вспоминаю ваши песни — и «Город детства», и «Маму», и «Огромное небо», и «Венок Дуняши», и «На тебе сошелся клином белый свет», и еще многие другие — и понимаю, что пустячки среди них нет. Даже вроде бы такие незатейливые, как, например, «Наш сад», и то обретают особую печать вашего шарма, вашей сущности, вашего отношения к жизни, к миру...

— Один критик, как-то написал: «Да прости композиторы и поэты Пъеху за то, что она присваивает себе авторство их песен, ибо каждая песня, исполненная Пъехой, — ее песня...» Наверное,

насчет отсутствия в моем репертуаре «пустячков» все-таки несколько преувеличено, но вообще-то песне отношусь очень серьезно: либо вообще не буду делать, либо уж взыграюсь так, чтобы — точно — получилось. Поэтому, если попадает настоящая песня, тут уж я — на коне! Мои песни — это человеческие судьбы. Не просто какие-то пейзажи, какие-то шуточки, не просто пересказ какого-то стихотворения, нет — это судьбы, это люди... Некоторые исполнители, участвуя в авторских концертах композиторов, поют подряд все песни, которые только им дают. И я думаю: какие же они гениальные певцы, если могут порой петь даже то, что им вообще не нравится... Лишь я не в состоянии спеть в песне ни одной ноты, если она не трогает мое сердце... Конечно, можно гордиться, когда только две голосовые связочки издают звук, но меня такое «искусство» не волнует... Бывают певцы, кото-

рые все делают, казалось бы, плохо, но запоминаются на всю жизнь. Вот Леонид Осипович Утесов: в смысле вокала все вроде бы неправильно, но вместе с тем — гениально. Потому что это сплетено с сердцем, потому что это — индивидуальность...

— Итак, каково же у Эдиты Пъехи главное требование к песне?

— Главное — чтобы песня волновала. Чтобы узнавала в ней себя, свое пережитое. Ведь нельзя петь о том, чего не знаешь... Очень редко, но бывало, что песни мне навязывали. И что? А ничего: как в электричестве — «короткое замыкание, и пробка перегорела...» Получаются лишь те песни, которые связаны с моим духовным миром, с моими радостями и страданиями... Поэтому убеждена: если историю страны можно отразить в почтовых марках, то биографию певца — в его песнях...

— А приходилось слышать на сцене свои песни в чужом исполнении?

— Когда после моего ухода из ансамбля Броневицкого наше солистка исполняла мои песни, то, рассказывали, многие возмутились...

— Н-н-нда... Бестактно...

— Увы, бес tactности у нас еще хватает. Всю жизнь со сцены ратую за то, чтобы люди друг к другу относились тактично, бережно. И чтобы, между прочим, обходились без матов...

— Ну, мат сейчас даже в так сказать, интеллигентной среде считается чуть ли не шиком...

— Чужой жанр надо знать. Только тогда имеешь право о нем высказываться. Вообще говорить стоит лишь о том, что знаешь. Сколько раз плачала из-за того, что иные журналисты-верхогляды подчас обвиняли меня в несуществующих грехах. Например, называли меня «манерной» певицей, а я ведь никогда не манерница и не манерничала...

— Может, их вводил в заблуждение особый, «импортный» акцент Пъехи?

— Может быть... Я приехала из-за границы — в чужом языке, песни дискотечные и кавацкие (хотя бы Маша Распутина), а я стараюсь продолжать традицию Шульженко, Бернеса... В общем, сама по себе. Наверное, так и должно быть. Песни Пиаф ведь тоже

сцены ратую за то, чтобы люди друг к другу относились тактично, бережно. И чтобы, между прочим, обходились без матов...

— Но ведь это же именно дикотекальная музыка, и в этом жанре Илона — как рыба в воде! Она напоминает меня в юности: тоже — гейзер! Тоже — вулкан! Причем в песне прекрасно двигается, и это вообще не заученные движения, нет — постоянно импровизирует, и молодые, судя по всему, под ее песни танцуют с большим удовольствием... Ну а станет старше — изменит свой имидж...

— Благодаря Илоне вы уже «дикотека-бабушки»?

— Да, подарила мне Стасика и Эрику. Стасик с хором мальчиков (при Капелле) по-

бывал уже на гастролях в Германии. И у пятилетней Эрики тоже абсолютный слух обнаружили...

— Как они вас зовут — «бабушка Эдита»?

— Нет, просто «Дитой»... Кстати, звания «бабушки» во все не стесняюсь. Убеждена: бабушки как раз и должны быть молодыми, не отставать от дочерей, тщательно следить за собой. Ужасно, когда женщина живет лишь для того, чтобы есть, причем — много, калорийно, когда лишь от этого получает удовольствие...

— А какие песни мама Эдита пела своей маленькой Илонке?

— Те старые польские колядки, которые когда-то напоминали мне моя мама... Илонка родилась у меня довольно неожиданно, намного раньше положенного срока — в шесть с половиной месяцев. «Дружба» была на гастролях, а я на улице Ленина, в коммуналке, одна. Как-то поехала на трамвай к врачу, и меня тут же уложили... Вот пытаюсь сейчас вспомнить те колыбельные — и никак. Увы, профессиональная память: помню лишь то, что связано с работой. Недавно была в круизе. Причалили в Пирею. А я когда-то пела французскую песню «Дети Пирея». Попыталась вспомнить — тщетно. Попала по пирейским уличкам, и вдруг — о чудо! — заспела. Так что и те колядки, наверное, вспомнила лишь в

из дома, а вас — не узнают Трагедия!

— Наоборот, это — прекрасно! Устала от невежественных, жлобских «поклонников». Один на вокзале недавно: «Вы знаете, мы поспорили на бутылку — вы Пъеха или не Пъеха?» Поэтому на улице в основном спешу, от парандой до машины...

— Сами водите?

— Эх, если бы водила, успевала бы куда больше... Но боюсь: у меня пространственный кретинизм. Один мой знакомый говорил: «Тебе, Эдита, надо ездить только на бэтзэр... — если стоп снесешь, живи останешься...»

— Недавно в телепередаче «Песня?» был такой эпизод. Зазвучала песня Игоря Талько-ва, весь зал поднялся, и показали крупно ваше лицо, залитое слезами...

— Да, мне было очень тяжко. Нелепость, дикость, варварство, фашизм — убить артиста из-за очередности в программе! Если бы Азиза была человеком культуры, она бы этого не допустила, грудью заслонила коллегу. Артист, по-моему, — это, прежде всего, наслаждение добра, красоты, но многие нынешние, к сожалению, стали лишь бизнесменами...

— На эстраде вы почти тридцать пять лет. Рекорд?

— Среди нынешних исполнителей это что-то вроде рекорда. Правда, Кобзон все

из съемок фотографа

пытается претендовать на роль «певца-долгожителя», но он на сцене — только с 1961-го...

— А самые первые свои цветы помните?

— Конечно. Это было на концерте в Академии тыла и транспорта, и хризантемы мне тогда подарила школьница Наташа Кузнецова. Ей было четырнадцать, значит, сейчас — пятьдесят. Увы, всем, кто прошел со мной мой путь, уже — «за» или «пода» пятьдесят... А первые розы привнесли мне в Баку...

— Эдита, вы счастливы?

— На сцене — да, в жизни — по-своему... Что делать? Не может же Боженка дать все...

Лев СИДОРОВСКИЙ

• На концерте, 1991 г.

• Эдита во время «конфирмации», 1947 г.

• Эдита и Илонка, 1966 г.

Фоторепродукции

А. Николаева